

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ В ПРЕДГОРНОМ КРЫМУ

© 2019 г. И.Н. Храпунов

Крымский федеральный университет, Симферополь, Россия

E-mail: igorkhrapunov@mail.ru

Поступила в редакцию 07.12.2017 г.

После доработки 05.06.2018 г.

В Крыму открыта и частично исследована группа памятников, представляющих собой могильники. Они находятся в предгорной зоне полуострова, датируются II–IV вв. н.э., сходны между собой и в то же время отличаются по важнейшим характеристикам от всех иных археологических памятников. Могильники составляют в совокупности единую археологическую культуру. Ее можно назвать по наиболее полно исследованному памятнику — могильнику Нейзац — нейзацкой археологической культурой. Она во многом эклектична, отличается признаками, имеющими разное происхождение. Яркое своеобразие ей придают лепные сосуды. Несмотря на некоторые заимствования, комплекс лепной керамики не сводится ни к одной из известных керамических традиций, ни к сумме каких-либо традиций. Еще одна особенность культуры — отсутствие поселений. Ни один из могильников не связан с поселенческой структурой. Большинство некрополей перестали использовать в конце IV — начале V в., в то время, когда в Северном Причерноморье, судя по письменным источникам, появились гунны.

Ключевые слова: Крым, позднеримское время, могильники, археологическая культура, нейзацкая культура, скифы, сарматы, аланы, германцы.

DOI: 10.31857/S086960630004115-5

В предгорном Крыму открыты могильники, вероятно, относящиеся к одной археологической культуре. Речь идет о следующих памятниках: Курское (Труфанов, Колтухов, 2001–2002; Труфанов, 2004, 2012), Нейзац (Храпунов, 2011а; 2016а), Дружное (Храпунов, 2002), Опушки (Стоянова, 2012; Храпунов, Мульд, 2005; Храпунов, Стоянова, 2013), Заречное (Масякин, 2010), Перевальное (Пуздровский, 1994), Озерное III (Лобода, 1977), Красная Заря (Белый, Неневоля, 1994. С. 254, 255; Пуздровский и др., 2001. С. 32; Неневоля, Волошинов, 2001), Тас-Тепе (Пуздровский и др., 2001. С. 32, 33), Вишнево (Пуздровский и др., 2001. С. 33, 34), Суворово (Зайцев, 1997; Зайцев, Мордвинцева, 2003; Юрочкин, Труфанов, 2003), Бельбек III (Гущина, 1970; 1974. С. 33, 52–54; Филиппенко и др., 2016), Красный Мак (Лобода, 2005), Алмалык-Дере (Maczyńska et al., 2016), СувлуКая (Masyakin et al., 2013), Инкерманский (Веймарн, 1963), Чернореченский (Бабенчиков, 1963; Храпунов, Стоянова, 2016а), Килен-Балка (Нессель, 2003; Контны, Савеля, 2006).

Сходство перечисленных выше некрополей по многим показателям очевидно. Поэтому исследователи, несмотря на многочисленные разночтения в интерпретациях, принадлежность крымских предгорных могильников позднеримского времени к единой археологической культуре принимают как факт “по умолчанию”. Представляется важным и актуальным определить хронологические и территориальные границы, выделить особенности погребальных сооружений, обрядов и инвентаря, которые, с одной стороны, позволят констатировать культурное сходство группы некрополей, а с другой — отличить их от всех других известных памятников.

Все перечисленные могильники находятся в пределах предгорной провинции Горного Крыма. С юга их ареал ограничен Главной грядой Крымских гор, с севера — степью (рис. 1).

Хронология. Могильники исследованы не равномерно, поэтому о многих нюансах их хронологии судить приходится предположительно. Полнее других раскопан некрополь

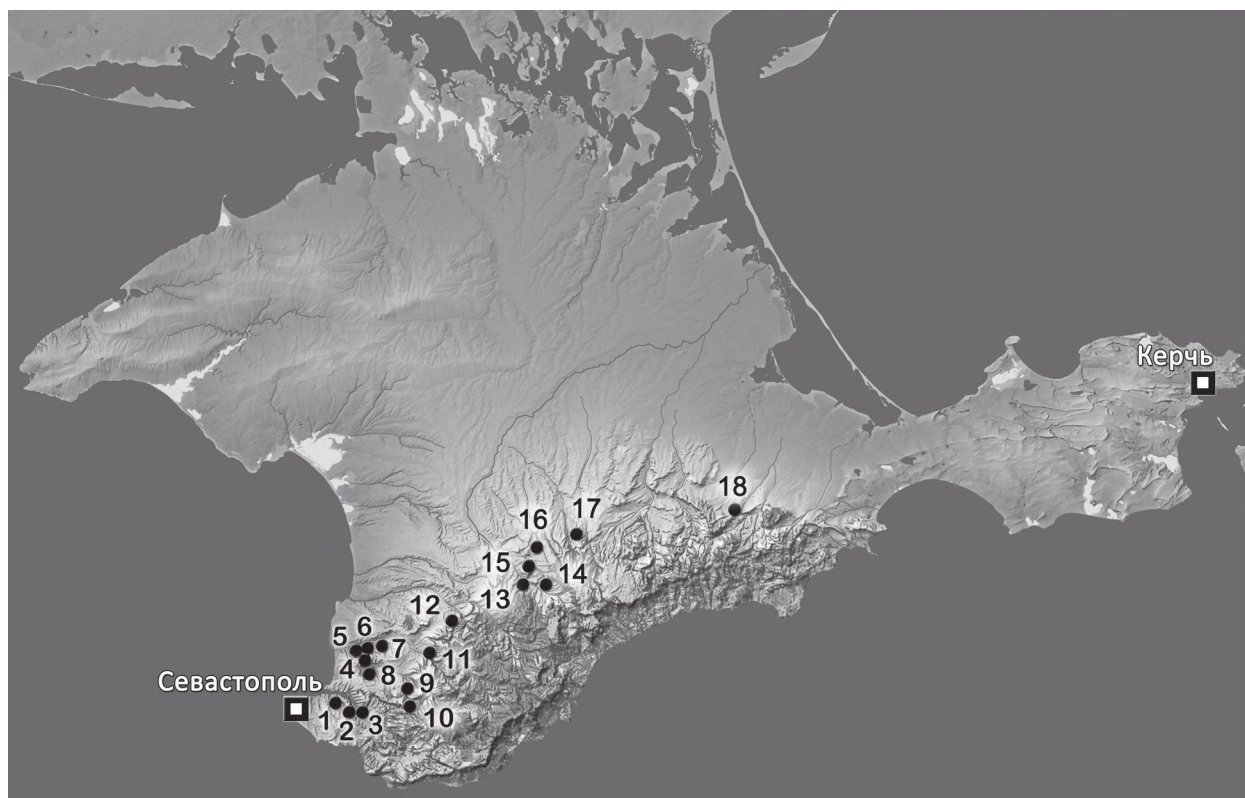


Рис. 1. Могильники позднеримского времени на карте Крыма. 1 — Килен-Балка; 2 — Чернореченский; 3 — Инкерманский; 4 — Тас-Тепе; 5 — Вишневое; 6 — Суворово; 7 — Красная Заря; 8 — Бельбек III; 9 — Красный Мак; 10 — Алмалык-Дере; 11 — Сувлу-Кая; 12 — Озерное III; 13 — Заречное; 14 — Перевальное; 15 — Дружное; 16 — Опушки; 17 — Нейзац; 18 — Курское.

Fig. 1. Late Roman necropolises on the map of Crimea

Нейзац. На его территории непрерывно хоронили с рубежа I–II до конца IV — начала V в. н.э. Большинство памятников — Курское, Дружное, Озерное III, Вишневое, Суворово, Чернореченский — датируются III–IV вв. Расположенные неподалеку друг от друга, а также вблизи Херсонеса, Инкерманский и Чернореченский могильники не были заброшены, как все остальные некрополи, на рубеже позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов, в них хоронили и в раннем средневековье. Алмалык-Дере и Красный Мак возникли гораздо позже остальных могильников, в середине или второй половине IV в. и продолжали использоваться в V в. (Алмалык-Дере и много позднее).

Погребальные сооружения. Обсуждаемые могильники состоят из земляных склепов, подбойных и грунтовых могил. В качестве редкого исключения встречаются плитовые могилы (Стоянова, 2013). Каждый склеп состоял из входной ямы, короткого дромоса и погребальной камеры. Прямоугольные в плане

входные ямы, как правило, имели в длину 2.5–3 м. В длинной стене входной ямы иногда устраивали подбой и там совершали захоронение. Дромос выкапывали между короткой стеной входной ямы и погребальной камерой. Расстояние между стеной входной ямы и погребальной камерой составляло 0.3–0.8 м, между стенами дромоса — 0.5–1. Вход в дромос делался в виде арки высотой 0.6–0.7 м. Он закрывался каменными плитами.

Погребальные камеры в плане прямоугольные или трапециевидные. Их размеры обычно составляли 2.5–3 × 2.8–4 м. Длинная ось входной ямы перпендикулярна длинной оси погребальной камеры. Пол погребальной камеры находился на 0.1–0.5 м ниже пола дромоса, они разделялись ступенькой. Потолки плоские высотой 1.2–1.3 м. В стене, противоположной входу, под потолком часто делали нишу, высотой и глубиной по 0.15–0.2 м. Иногда ниш было две или три (рис. 2, 1).

В склепах большинство погребений совершено в IV в. Однако открыто несколько

погребальных сооружений этого типа, датирующихся первой половиной III в. (Храпунов, Мульд, 2004).

Подбойные могилы состояли из прямоугольных в плане входных ям размерами 2.2–2.8 × 0.5–0.8 м и овальных или прямоугольных в плане подбоев, выкопанных в одной или в обеих длинных стенах входных ям. По длине подбой приблизительно равны входным ямам. Их ширина составляла 0.4–1 м, высота свода — 0.4–0.6. Пол подбоя, как правило, располагался на 0.1–0.3 м ниже дна входной ямы. В подавляющем большинстве случаев, подбой отделялся от входной ямы закладом из плит (рис. 2, 3). В самых ранних могилах в качестве заклада использовалась кладка из мелких камней.

По размерам и форме грунтовые могилы соответствуют входным ямам подбойных могил (рис. 2, 2). Детские могилы, конечно, меньших размеров. Только в могильнике Нейзац раскопано несколько десятков грунтовых могил, в стенах которых сделаны пазы, служившие, вероятно, для фиксации концов перекрытий (Мульд, 2016. С. 52).

Погребальные обряды. Все обсуждаемые могильники располагались на склонах невысоких гор или холмов. Могилы выкапывались поперек склонов, иначе подбойную могилу или склеп сделать не удастся. Поэтому можно сказать, что ориентация могил, а следовательно, и погребенных, определялась условиями местности, а не традициями.

Господствующая поза погребенных — на спине с вытянутыми руками и ногами. Отклонения в положении рук не редки. Кисти зачастую расположены на тазовых костях или под ними. В склепах погребенные обычно лежали головами в сторону, противоположную входу. Однако известны погребальные сооружения с противоположной ориентацией захороненных или такие, где погребенные лежали параллельно стене, в которой находился вход в погребальную камеру. Зафиксированы случаи, когда в одной погребальной камере сочеталось два или все три варианта ориентации.

Грунтовые и подбойные могилы в большинстве случаев предназначались для индивидуальных погребений. Однако немало и исключений. Парные погребения обычно располагались непосредственно друг на друге, головами в одну или в противоположные стороны. Реже погребенных укладывали рядом друг

с другом. Так же поступали, когда в подбое хоронили трех человек. В единственной в своем роде могиле 307 из могильника Нейзац совершили восемь погребений, расположив их в шесть ярусов (Храпунов, 2014).

В склепах совершали по 4–8 захоронений на полу погребальной камеры. В исключительных случаях, как, например, в склепе 306 могильника Нейзац (Храпунов, 2011б), погребения совершали в два яруса. Крайне редко, но такие случаи зафиксированы, кости ранее погребенных сдвигались.

Во всех типах погребальных сооружений иногда хоронили в деревянных гробах. Под некоторыми погребенными и в грунтовых, и в подбойных могилах, и в склепах прослеживалась угольная подсыпка.

Размещение погребального инвентаря в могилах, в общих чертах, может быть охарактеризовано следующим образом. Сосуды ставили чаще всего в головах, реже в ногах, иногда в других частях могилы. В головах в сосуде или рядом с ним лежали кость животного и нож. В могилах IV в. в качестве заупокойной пищи использовались куриные яйца, в более ранних могилах их нет. В могилах IV в. с одним погребенным ставили, как правило, 4–5 сосудов, в более ранних могилах — 1–2 сосуда или не ставили вообще. В склепах IV в. лепные, краснолаковые, а также менее многочисленные стеклянные сосуды, иногда амфоры ставили у стены, противоположной входу, иными словами, за головами погребенных. В одном склепе, как правило, находится несколько десятков, до 50, сосудов. В могилах IV в. примерно $\frac{3}{4}$ всех керамических сосудов составляют лепные, $\frac{1}{4}$ — краснолаковые. В более ранних погребальных сооружениях, где сосудов вообще немного, подавляющее большинство из них краснолаковые.

Разнообразные украшения и детали одежды находят, естественно, на костях погребенных. Женщины и дети носили ожерелья из бус с добавлением разных подвесок. Бусинами расшивали одежду, поэтому во многих могилах обнаруживаются сотни, а иногда и тысячи бусин. Широко был распространен обычай украшать бусинами подолы платьев, а также штаны. К IV в. обычай обшивать женскую одежду бусинами исчезает, остаются только ожерелья.

Длинные мечи клали рядом с умершими, но не подвешивали к поясу. Короткие мечи с вырезами у пяты клинка, типа 5

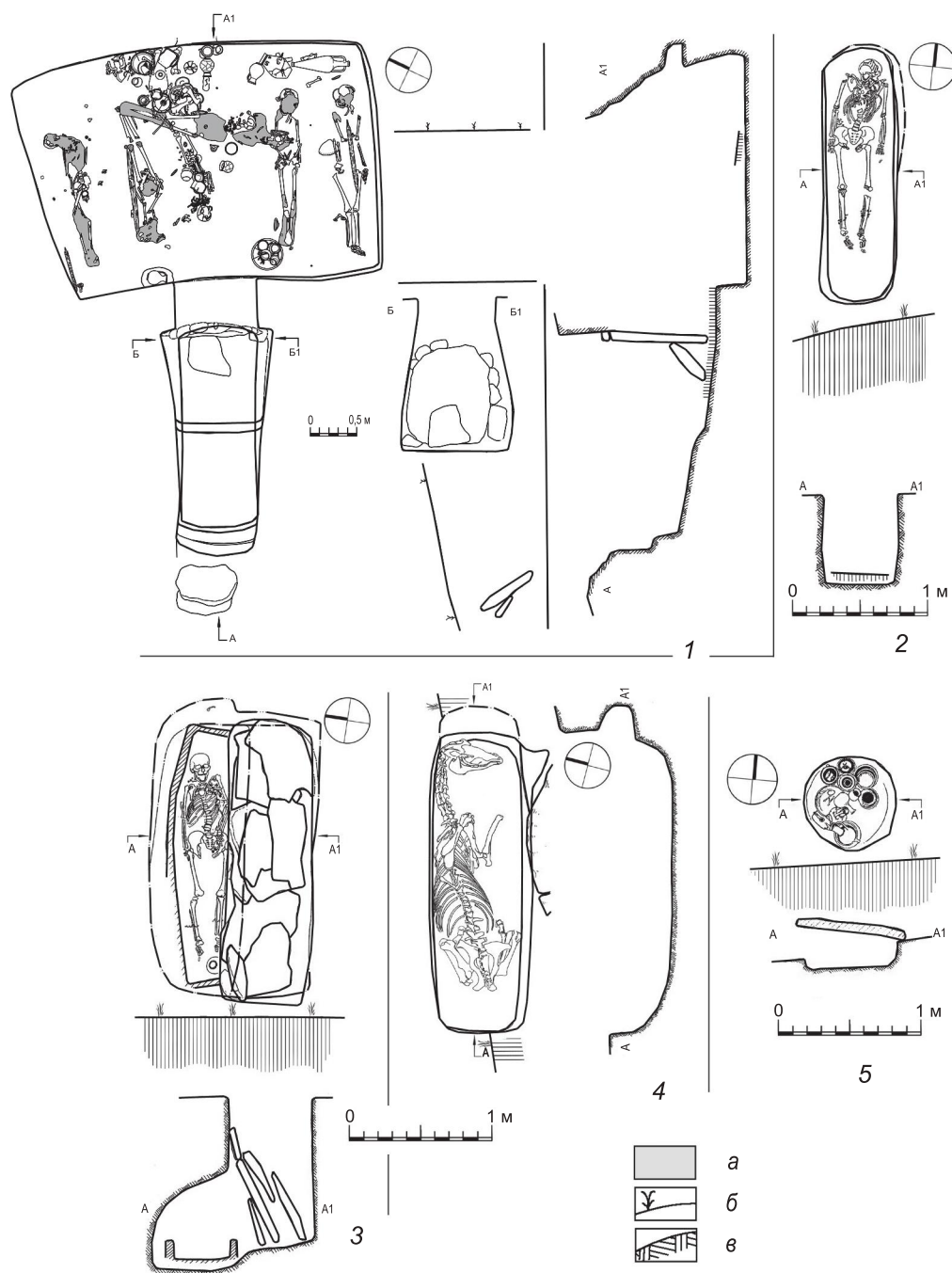


Рис. 2. Могильник Нейзац. Планы и разрезы погребальных сооружений (1–4) и ямы 2 с сосудами (5). 1 – мог. 498; 2 – мог. 275; 3 – мог. 103; 4 – мог. 214. Условные обозначения: а – костный тлен; б – дерн; в – материк.

Fig. 2. The Neyzats necropolis. Plans and sections of burial structures (1–4) and pit 2 with vessels (5)

по классификации А.М. Хазанова (1971. С. 17), всегда лежат на головах или плечах погребенных.

Погребения лошадей в подавляющем большинстве открыты при раскопках могильника Нейзац. Их хоронили в специальных грунтовых

могилах, во входных ямах склепов и подбойных могил, в подбоях, выкопанных в стенах входных ям склепов. В разных некрополях открыты грунтовые могилы II–III вв., в одной из коротких сторон которых вырезана ступенька-подставка для головы лошади (рис. 2, 4).

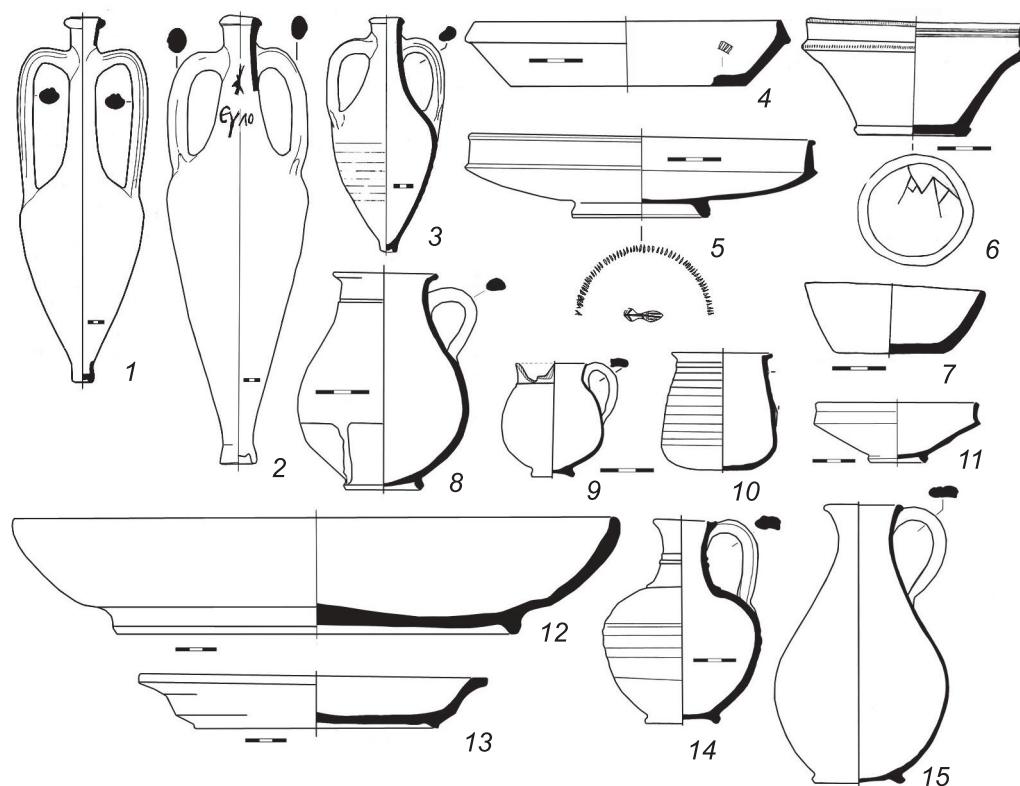


Рис. 3. Могильник Нейзац. Амфоры (1–3) и краснолаковые сосуды (4–15). 1 – мог. 355; 2 – мог. 294; 3, 8 – мог. 33; 4 – мог. 355; 5 – мог. 208; 6, 7 – мог. 577; 9, 14, 15 – мог. 510; 10 – мог. 511; 11 – мог. 300; 12, 13 – мог. 306.

Fig. 3. The Neyzats necropolis. Amphorae (1–3) and red slip vessels (4–15).

В некоторых случаях погребения лошадей сочетались в могиле с захоронением 1–2 собак. Погребения лошадей не сопровождалось инвентарем. В то же время многочисленные и разнообразные детали конской сбруи — одна из самых распространенных категорий находок в погребениях людей.

Особенностью могильника Нейзац является наличие заполненных сосудами ям, выкопанных среди могил. Открыто 43 ямы с сосудами, все они датируются IV в. В одной яме находилось от 5 до 35 лепных, краснолаковых и стеклянных сосудов. Многие из них с костями животных и яичной скорлупой (рис. 2, 5).

Погребальный инвентарь. Ниже предлагается краткий обзор наиболее типичных категорий погребального инвентаря. Многие находки, в том числе уникальные, и даже их категории остались за пределами этого обзора. В качестве погребального инвентаря в редких случаях использовались амфоры. Все они узкогорлые светлоглиняные типов “С”, “D” и “F” по классификации Д.Б. Шелова (1978). Амфоры

типа “С” (рис. 3, 1) соответствуют сосудам типа CIVC по С.Ю. Внукову с датой — вторая четверть—конец II в. (2006. С. 166; 2016. С. 41, 43). Такие амфоры встречены только в могильнике Нейзац (Храпунов, 2015. С. 223, 236). Амфоры типа “D” (рис. 3, 3) представлены и классическими “танаисскими”, и поздними их вариантами. Они попадали в могилы в течение всего III в. (Иванова, 2013. С. 124–129). Наиболее многочисленны амфоры типа “F” (рис. 3, 2), датирующиеся IV в. (Иванова, 2013. С. 129–140).

Самые ранние краснолаковые сосуды представлены различными типами ESB2, в частности, формами 60 (рис. 3, 4), 70 (рис. 3, 6), 71 (рис. 3, 7) Дж. Хэйса (Hayes, 1972. Р. 61, 64, 66, 67), а также Понтийской сигиллатой (рис. 3, 5) и сосудами, вероятно, произведенными где-то в Крыму (рис. 3, 8). Все эти формы перестали изготавливать в начале II в., наиболее поздние экземпляры использовались до середины столетия (Журавлев, 2010. С. 26, 27, 29, 31, 84, 129).

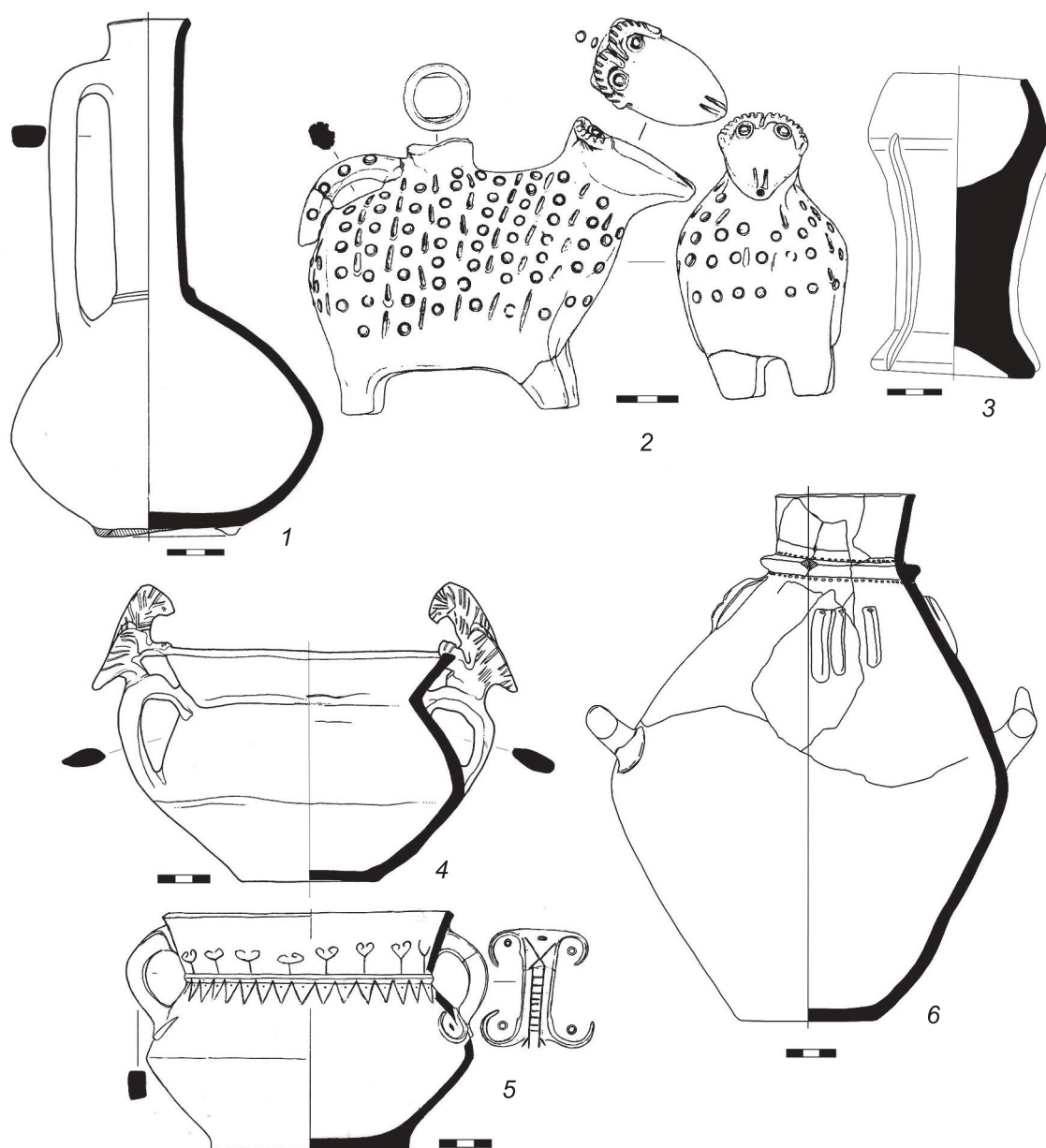


Рис. 4. Могильник Нейзац. Лепные сосуды. 1 — мог. 2; 2, 5 — яма 2 с сосудами; 3 — мог. 355; 4 — мог. 301; 6 — мог. 275.
Fig. 4. The Neyzats necropolis. Handmade pottery

Во второй половине II–III в. в могилы опускали краснолаковые сосуды преимущественно Понтийского производства, а также изготовленные в каких-то местных центрах по Понтийским образцам (рис. 3, 9–11, 14, 15). Большие наборы краснолаковой посуды обнаружены в склепах IV в. Это главным образом сосуды Понтийского производства (PRS), а также отличающиеся от них глиной, но не формой, изделия, изготовленные, судя по их большому количеству в могилах, где-то

неподалеку от предгорного Крыма, возможно, в Херсонесе (рис. 3, 12, 13).

Разнообразие форм лепных сосудов чрезвычайно велико (рис. 4). Нет никакой возможности охарактеризовать лепную посуду в кратком очерке. Следует все же отметить, что морфологически, по составу примесей к глине и по характеру обработки поверхности лепная керамика из крымских предгорных могильников составляет совершенно особый комплекс,

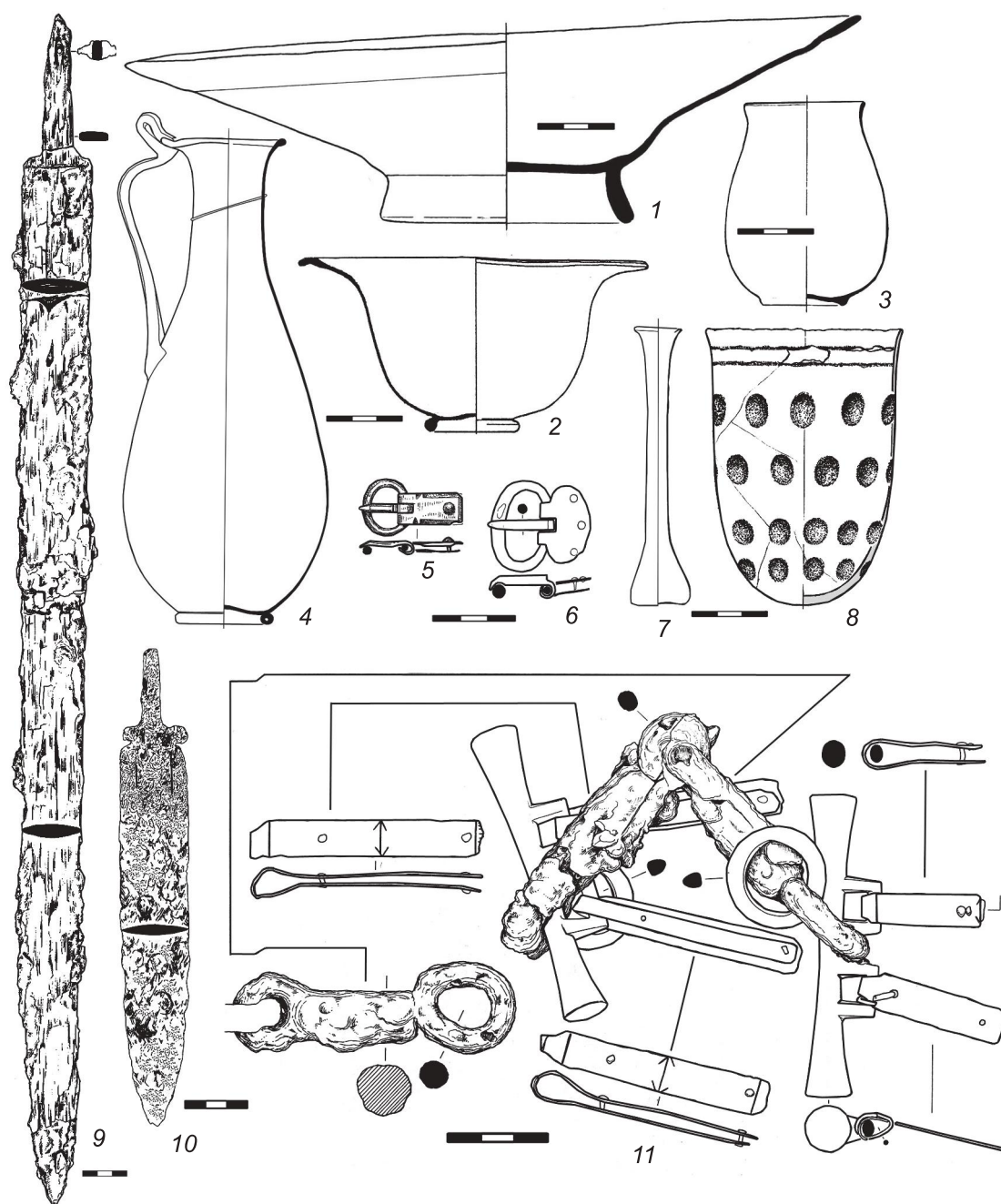


Рис. 5. Могильник Нейзац. Сосуды (1–4, 7, 8), пряжки (5, 6), мечи (9, 10), удила с псалями (11). 1, 3, 6 – мог. 4; 2 – мог. 148; 4 – мог. 301; 5 – мог. 169; 7 – мог. 368; 8, 9 – мог. 275; 10 – мог. 358; 11 – мог. 183. 1–4, 7, 8 – стекло; 5 – серебро и бронза; 6 – бронза; 9, 10 – железо; 11 – бронза и железо.

Fig. 5. The Neyzats necropolis. Vessels (1–4, 7, 8), buckles (5, 6), swords (9, 10), horse-bits with cheek pieces (11)

один из самых ярких признаков культуры (Власов, 1999, 2003; Храпунов, 2002. С. 61–66; 2007; 2011a. С. 23, 24).

Почти все предметы вооружения найдены в могилах IV в. Чаще всего в качестве погребального инвентаря использовались длинные

мечи типа 3 (рис. 5, 9) и короткие мечи типа 5 (рис. 5, 10) по А.М. Хазанову (1971. С. 17). Остальные виды оружия — копья, боевые топоры, стрелы с железными черешковыми наконечниками — опускали в могилы редко, а германские щиты с металлическими

умбонами (рис. 6, 1) и рукоятями — в единичных случаях.

Во многих могилах обнаружены стеклянные сосуды. Их можно разделить на две группы. Первая, бо́льшая, — это сосуды сиро-палестинского, египетского, италийского, а также северопричерноморского производства, которые привозили к варварам из античных городов Северного Причерноморья в течение всего времени использования могильников (рис. 5, 1–4, 7). Вторая, меньшая, — это сосуды, попавшие в Крым во второй половине III–IV в. с территорий, населенных германцами (рис. 5, 8). Речь идет главным образом об изделиях с шлифованным орнаментом (Шабанов, 2011).

В состав погребального инвентаря во многих случаях входила конская сбруя, от которой сохранились металлические детали (рис. 5, 11). Эти изделия вполне соответствуют сарматским образцам, широко распространенным в Северном Причерноморье и за его пределами в римское время (Симоненко, 2010; Антипенко, 2015).

К наиболее ранним фибулам относятся застежки с кнопкой или S-видным завитком на конце сплошного пластинчатого приемника (рис. 7, 1–3), лучковые подвязные “лебяжьинской” серии (рис. 7, 4) (Амброз, 1966. С. 43, 45, 46, 56; Кропотов, 2010. С. 161, 182–185, 212). Все эти фибулы обнаружены в единичных экземплярах, они происходят из могильника Нейзац, датируются в пределах I — начала II в. (Храпунов, Стоянова, 2016б). Ко II в. относятся довольно многочисленные сильнопрофилированные фибулы причерноморского типа (рис. 7, 7) и изредка встречаемые лучковые подвязные варианты 3 А.К. Амброза (рис. 7, 6) (1966. С. 40, 41, 49; Кропотов, 2010. С. 74, 75, 226, 227). Во второй половине II — первой половине III в. массово используются лучковые подвязные фибулы вариантов 4 и 5 Амброза (рис. 7, 8), застежки “инкерманской” серии (рис. 7, 10), а также “смычковые” (рис. 7, 5) (Амброз, 1966. С. 47, 49–52; Кропотов, 2010. С. 77–80, 131, 169, 170). Во второй половине III в. используются двучленные лучковые подвязные фибулы (рис. 7, 13) (Амброз, 1966. С. 52, 53; Кропотов, 2010. С. 150, 151), а также наиболее ранние из прогнутых подвязных застежек. В IV в. жители крымских предгорий пользовались железными двучленными фибулами с узкой ножкой (рис. 7, 12) (Храпунов, 2011а. С. 28) и прогнутыми подвязными вариантами 2 и 3 Амброза (рис. 7, 9, 11) (1966. С. 63, 64).

Многочисленные пряжки не отличаются от пряжек, распространенных на всех территориях, заселенных сарматами или испытывавших их культурное влияние (Малашев, 2000). Они использовались для застегивания поясных ремней, обуви, портупей, для крепления мечей к портупее, а также для соединения ремней, из которых состояла конская сбруя (рис. 5, 5, 6).

Наконечники ремней в точности или, по крайней мере, стилистически повторяют сарматские образцы (Малашев, 2000). В IV в. наконечники ремней использовались очень редко. Примерно 90% обнаруженных наконечников датируются более ранним временем (Храпунов, 2008). В могильнике Нейзац найдена серия наконечников, не имеющих аналогий. Они представляют собой своеобразную реплику украшений, выполненных в так называемом догуннском полихромном стиле (рис. 7, 14, 15) (Храпунов, 2008. С. 204).

Своеобразны бронзовые детали головных уборов. Это пластины с пуансонным орнаментом, крепившиеся к кожаным ремешкам с помощью загнутых краев (рис. 7, 16) (Храпунов, 2011а. С. 37).

Зеркала относятся к типам IX и X по А.М. Хазанову (1963. С. 66–68). Изделия с боковой петлей гораздо более многочисленны. Они делятся на два варианта: с валикообразным утолщением по краю и конусовидным выступом в центре оборотной стороны (рис. 7, 25), а также, самые распространенные, с орнаментом на оборотной стороне (рис. 7, 24). Зеркала типа Хазанов X, с петлей на оборотной стороне (рис. 7, 26), найдены исключительно в комплексах IV в., зеркала типа Хазанов IX в этом столетии не использовались (Труфанов, 2007).

Во многие женские погребения III в. ставили деревянные шкатулки (рис. 7, 27). От них сохраняются детали, сделанные из железа и бронзы, а также ключи (Храпунов, 2002. С. 55, 56).

Браслеты надевались только на руки. К IV в. их количество в могилах заметно уменьшается (рис. 8, 9, 10). Многочисленны кольца и перстни (до пяти на пальцах одной руки). Некоторые из них украшались геммами, приклеенными стеклами или сердоликами (рис. 8, 1, 2) (Храпунов, 2011а. С. 43). Самым распространенным типом серег были проволочные изделия с замком в виде петли и крючка (рис. 7, 23) (Храпунов, 2011а. С. 44). Найдено несколько гривен из гладкой и ложновитой проволоки, один конец которых сделан в виде крючка, а

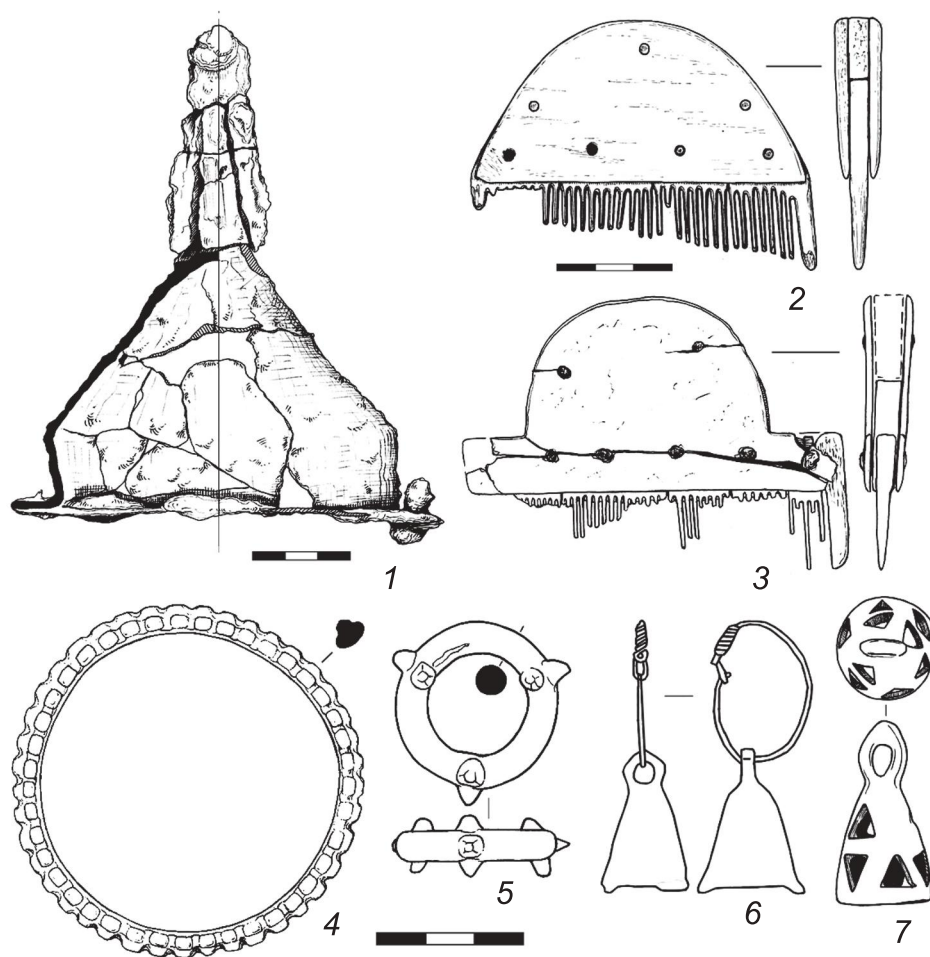


Рис. 6. Могильник Нейзац. Умбон щита (1), гребни (2, 3), кольца (4, 5), колокольчики (6, 7). 1 – мог. 306; 2 – мог. 156; 3 – мог. 312; 4 – мог. 258; 5 – мог. 4; 6 – мог. 359; 7 – мог. 174. 1 – железо; 2, 3 – кость; 4–7 – бронза.

Fig. 6. The Neyzats necropolis. Shield boss (1), combs (2, 3), rings (4, 5), bells (6, 7)

второй образует петельку (рис. 8, 3). В IV в. гривны почти не использовались (Стойанова, 2011а).

Особую группу составляют украшения, выполненные в так называемом догуннском полихромном стиле (Яценко, Малашев, 2000). Это серьги (рис. 8, 7, 8), браслеты (рис. 8, 4, 5), лунница (рис. 8, 6) и некоторые другие вещи. В предгорном Крыму найдены только украшения, в других ареалах изделий этого стиля обнаружены детали амуниции, конской сбруи, оружия, а украшений нет. Датируются такие изделия второй половиной III – частью IV в. Литые бронзовые изделия, украшенные рельефными выступами, напаянными “шишечками” или расчлененные рубчиками, найдены во многих женских погребениях (рис. 6, 4, 5). В некоторых женских погребениях обнаружены золотые бляшки (рис. 7, 17–21). Ими расшивали

не всю одежду, а, по-видимому, только ворот платья (Храпунов, Стояннова, 2014. С. 183–187).

Вряд ли имеется археологическая культура, которая может сравниться по количеству и разнообразию бусин с крымскими предгорными могильниками. В одном только могильнике Нейзац их найдено более 50 тыс. Бусины использовали не только и не столько в ожерельях, сколько для расшивки одежды женщин и детей, похороненных во II–III вв. Наборы бус отличались яркой полихромией. В IV в. бусы применялись только в коротких ожерельях. В них преобладали янтарные украшения, стеклянные синего цвета, сердоликовые 14-гранные и фиолетовые стеклянные пронызи (Стойанова, 2004, 2010, 2011б).

Все время существования могильников использовались разнообразные и довольно

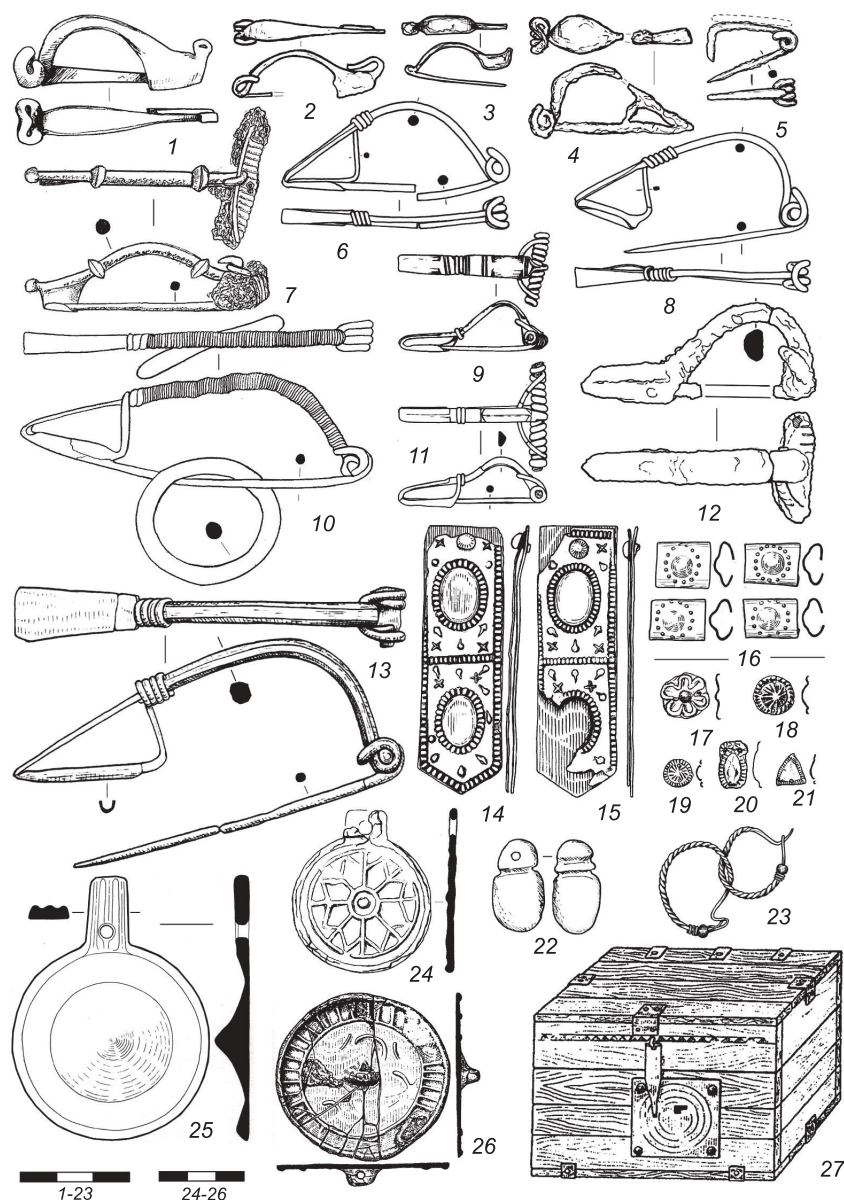


Рис. 7. Погребальный инвентарь из могильников Нейзац (1–25) и Дружное (26, 27). 1–13 – фибулы; 14, 15 – наконечники ремней; 16 – детали головного убора; 17–21 – бляшки; 22 – подвеска; 23 – серьги; 24–26 – зеркала; 27 – шкатулка (реконструкция С.А. Мульда). 1 – мог. 416; 2, 4 – мог. 441; 3 – мог. 577; 5 – мог. 103; 6 – мог. 32; 7 – мог. 414; 8 – мог. 20; 9 – мог. 281; 10 – мог. 300; 11 – мог. 115; 12 – мог. 4; 13 – мог. 152; 14, 15 – мог. 306; 16 – мог. 174; 17 – мог. 374; 18 – мог. 377; 19, 21 – мог. 250; 20 – мог. 110; 22 – мог. 220; 23, 25 – мог. 178; 24 – мог. 293; 26 – мог. 47; 27 – мог. 24. 1–8, 10–13, 16, 24–26 – бронза; 9 – серебро; 14, 15 – серебро и бронза; 17–21, 23 – золото; 22 – янтарь; 27 – дерево, бронза, кость.

Fig. 7. Burial inventory from the necropolises of Neyzats (1–25) and Druzhnoye (26, 27)

многочисленные подвески. Все они сосредоточены в женских и детских погребениях. Чаще всего в качестве подвесок использовались бронзовые колокольчики (рис. 6, 6, 7), а также 8-видные изделия из янтаря (рис. 7, 22) и стекла. Восьмерковидные подвески найдены почти исключительно в погребениях IV в. (Стойанова, 2016).

В разных могильниках в 5–10% могил найдены монеты. Больше всего римских, меньше боспорских; херсонесские и других центров встречаются единично. Наиболее интенсивно монеты поступали к крымским варварам в конце III – 20-х годах IV в. (Храпунов Н., 2009, 2013; Труфанов, 2010).

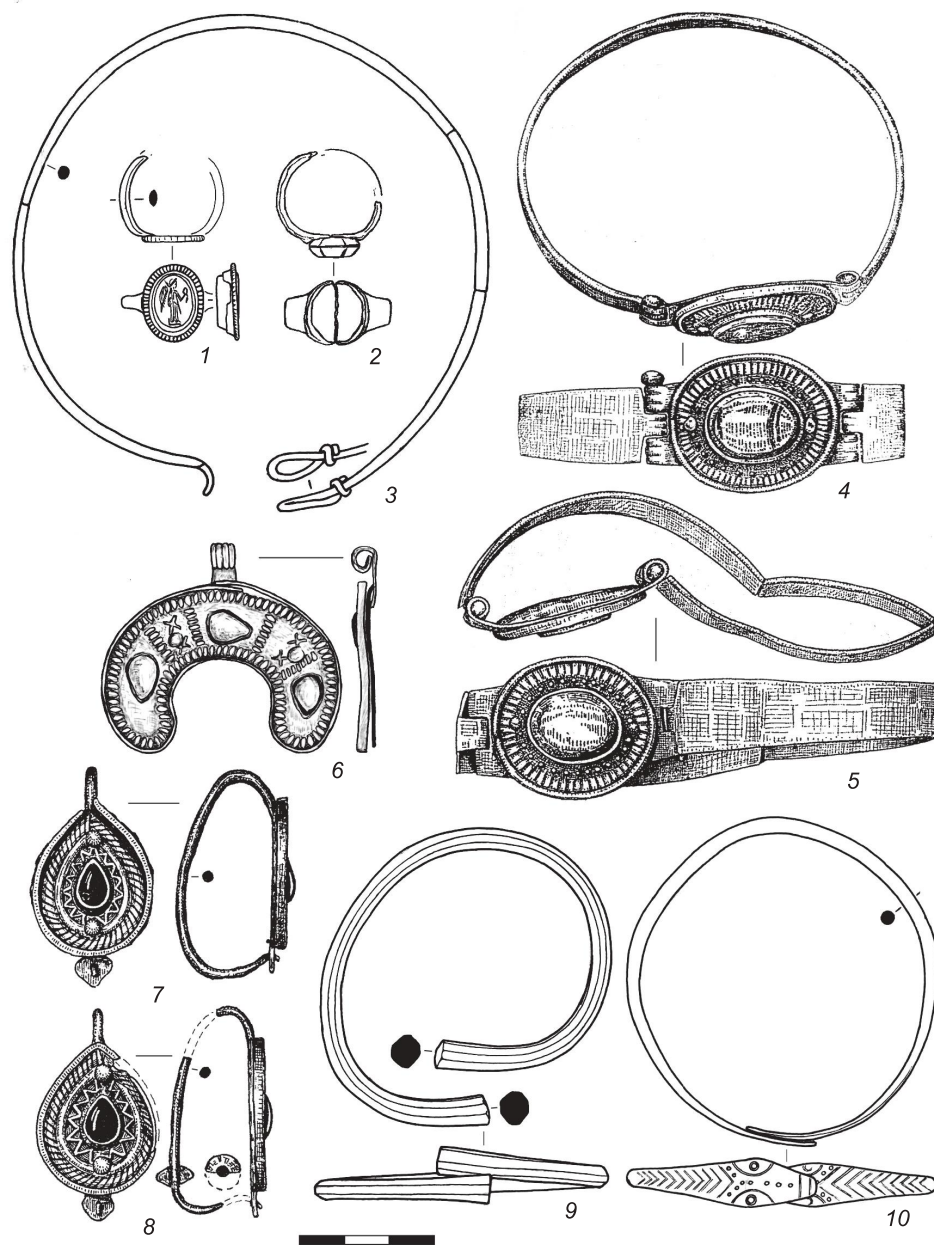


Рис. 8. Погребальный инвентарь из могильников Нейзац (1–3, 9, 10), Дружное (4, 5, 7, 8) и Опушки (6). 1, 2 – перстни; 3 – гривна; 4, 5, 9, 10 – браслеты; 6 – лунница; 7, 8 – серьги. 1 – мог. 193; 2 – мог. 275; 3 – мог. 96; 4, 5 – мог. 24; 6 – мог. 124; 7, 8 – мог. 21; 9 – мог. 50; 10 – мог. 59. 1 – серебро и сердолик; 2 – бронза и стекло; 3, 9, 10 – бронза; 4, 5 – серебро, позолота сердолик; 6 – серебро, позолота, сердолик, стекло; 7, 8 – серебро, позолота, стекло.

Fig. 8. Burial inventory from the necropolises of Neyzats (1–3, 9, 10), Druzhnoye (4, 5, 7, 8) and Opushki (6)

Источники формирования археологической культуры. Особенности погребальных сооружений, обрядов и инвентаря позволяют выделить несколько археологических культур и регионов, оказавших влияние на культуру населения крымских предгорий. Влияние позднескифской культуры может быть прослежено по наличию заполнения из камней входных ям

некоторых склепов и подбойных могил, в изредка фиксируемом обряде сдвижения костей погребенных при подзахоронениях, в некоторых типах лепных сосудов. Античное влияние очевидно по множеству предметов погребального инвентаря (амфоры, краснолаковые и стеклянные сосуды, стеклянные бусы, монеты, украшения в догуннском полихромном стиле

и пр.). В некоторые могилы попадали вещи, привезенные из ареала германских (черняховской и пшеворской) культур. Это умбоны и рукояти щитов (рис. 6, 1), сероглиняная гончарная посуда, костяные гребни (рис. 6, 2, 3), стеклянные сосуды, фибулы, некоторые типы подвесок. Однако отсутствуют захоронения, совершенные по обряду какого-либо из германских племен. Германские вещи рассеяны по одной-две в могиле, нигде не образуют комплексов (Khrapunov, 2013).

Дискуссионна проблема северокавказских влияний на население крымских предгорий. В первую очередь речь идет о склепах с короткими дромосами, в которых в IV в. совершалось большинство погребений. Они не имеют прототипов в Крыму, но есть аналогии на Северном Кавказе. На этом основании многие исследователи реконструируют миграцию северокавказского населения в Крым. Есть и противники такой гипотезы (подробнее см. Храпунов, 2004. С. 138, 139; 2016б. С. 124). Предгорный Крым и Северный Кавказ — основные ареалы мечей типа Хазанов 5. Причем почти во всех случаях мечи лежали на головах или плечах погребенных (Левада, 2013). Северокавказское происхождение предполагается для разных форм лепной керамики, найденной в Крыму (Власов, 2003).

Самые близкие соответствия крымские предгорные могильники обнаруживают со степными сарматскими. Подбойные и грунтовые могилы, погребальные обряды и большинство погребального инвентаря (все виды вооружения, амуниции, конской сбруи, зеркала, курительницы, многие украшения и т.д.) неотличимы от сарматских. Не менее важно то, что одновременно с сарматскими менялась и стилистика изделий. В первые три четверти II в. использовались железные, плакированные золотом или серебром вещи, а в конце II в. появляется и до середины III в. широчайшим образом применяется фасетирование серебряных и бронзовых изделий.

Между крымскими предгорными и сарматскими степными могильниками имеются и различия. В крымских предгорьях нет курганов, вместо них появились большие грунтовые могильники. В отличие от господствующей в степи меридиональной ориентации погребенных, в Крыму хоронили умерших головами на восток или запад. Первое отличие появилось, вероятно, вследствие седентаризации

населения, а второе — из-за ориентации склонов гор или холмов, о чем уже говорилось выше.

Сочетание имеющих разное происхождение признаков составляет особую, во многом эклектичную, культуру крымских предгорий. Яркое своеобразие культуре придают лепные сосуды. Комплекс лепной керамики сложился в IV в. Несмотря на некоторые заимствования, он не сводим ни к одной из известных керамических традиций, ни к сумме каких-либо традиций. Лепные сосуды изготавливались на месте, местными мастерами. Еще одна особенность культуры — отсутствие поселений. Ни один могильник не связан с поселенческой структурой.

Итак, в Крыму открыта и частично исследована группа памятников, представляющих собой могильники. Они находятся в предгорной зоне полуострова, датируются II–IV вв. (ранняя дата, вполне возможно, будет удревнена в ходе продолжающихся исследований), сходны между собой и в то же время отличаются по важнейшим характеристикам от всех иных археологических памятников. Могильники составляют в совокупности единую археологическую культуру. Ее можно назвать, по наиболее полно исследованному памятнику — могильнику Нейзац — нейзацкой археологической культурой¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. М.: Наука, 1966 (САИ; вып. Д1–30). 111 с.
- Антипенко А.В. Реконструкция снаряжения верхнего коня III в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. Вып. 2 (48). С. 109–120.
- Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. Київ:

¹ Очевидное сходство предгорных могильников друг с другом привело к попыткам обозначить их единым термином. Предложены следующие варианты: памятники группы Озерное–Инкерман, памятники типа Инкерман, инкерманская культура (Юрочкин, Труфанов, 2007. С. 360. Прим. 21). Ни один из них не представляется удачным. Дело в том, что ни в Инкерманском могильнике, ни в могильнике Озерное III, по разным причинам, не обнаружены погребения более ранние, чем датирующиеся второй половиной III–IV в. В могильнике Нейзац представлен весь хронологический спектр погребений, в том числе и многочисленные захоронения II–III вв., важнейшая составляющая обсуждаемой культуры.

- Видавництво Академії наук Української РСР, 1963. С. 94–141.
- Белый О.Б.*, Неневоля И.И. Охранные работы на территории Бахчисарайского района в 1993 г. // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред. Ю.М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1994. С. 251–255.
- Веймарн Є.В.* Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1963. С. 15–42.
- Власов В.П.* Лепная керамика из некрополя III–IV вв. н.э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре / Ред. М.И. Гладких. Киев: Видання Тов. археол. та антроп., 1999. С. 322–371.
- Власов В.П.* Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). Вып. X. Симферополь: Таврия, 2003. С. 98–124.
- Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. Ч. II: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетей, 2006. 320 с.
- Внуков С.Ю.* Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. № 2. С. 36–47.
- Гущина И.И.* Могильник Бельбек III в Крыму // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 39–47.
- Гущина И.И.* Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: ГИМ, 1974. С. 33–64.
- Журавлев Д.В.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь: Крымское отделение Ин-та востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины, 2010. 320 с.
- Зайцев Ю.П.* Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год / Ред. В.А. Кутайсов. Симферополь: СОНАТ, 1997. С. 102–116.
- Зайцев Ю.П.*, Мордвинцева В.И. Исследование могильника у с. Суворово // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь: Таврия, 2003. С. 57–77.
- Иванова О.С.* Амфоры позднеримского времени из раскопок Мангупа // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.). I / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: Доля, 2013. С. 93–154.
- Контны Б.*, Савеля Д.Ю. Вооружение из могильника в Килен-Балке // МАИЭТ. Вып. XII, ч. 1. Симферополь: Таврия, 2006. С. 129–160.
- Кропотов В.В.* Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
- Левада М.Е.* О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.). I / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: Доля, 2013. С. 171–187.
- Лобода И.И.* Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. 1977. № 4. С. 236–252.
- Лобода И.И.* Раскопки красномакского могильника в 1983–1984 гг. // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь: Таврия, 2005. С. 192–251.
- Малашев В.Ю.* Периодизация ремесленных изделий позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.
- Масякин В.В.* Склеп позднеримского времени у с. Заречное в Центральном Крыму // Археологический альманах; № 22: Древняя и средневековая Таврика / Ред. А.В. Колесник. Донецк: Донбасс, 2010. С. 278–283.
- Мульд С.А.* Погребальные сооружения могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.). II: 20 лет исследований могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 37–75.
- Неневоля И.И.*, Волошинов А.А. Два комплекса IV в. н.э. на могильнике Краснозорье // Поздние скифы Крыма / Ред.: И.И. Гущина, Д.В. Журавлев. М.: ГИМ, 2001 (Труды ГИМ; вып. 118). С. 141–146.
- Нессель В.А.* Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка // Херсонесский сборник. Вып. XII / Ред. М.И. Золотарев. Севастополь: Дизайн-студия “Каламо”, 2003. С. 107–123.
- Пуздровский А.Е.* Могильник III–IV вв. н.э. у с. Перевальное в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.): тез. докл. Симферополь, 1994. С. 55–56.
- Пуздровский А.Е.*, Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Новые памятники III–IV вв. н.э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. Вып. VIII. Симферополь: Таврия, 2001. С. 32–50.
- Симоненко А.В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. 328 с.
- Стоянова А.А.* Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. V / Ред. А.И. Айбабин. Симферополь; Керчь: Деметра, 2004. С. 263–319.
- Стоянова А.А.* Наборы бус в костюме населения предгорного Крыма во II в. до н. э. — IV в. н. э. // Боспорские исследования. Вып. XXIV / Ред.

- А.И. Айбабин. Симферополь; Керчь: Деметра, 2010. С. 401–410.
- Стоянова А.А. Гривны из памятников Крыма сарматского времени // МАИЭТ. Вып. XVII. Симферополь: Таврия, 2011а. С. 116–140.
- Стоянова А.А. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н.э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011б. С. 115–151.
- Стоянова А.А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003–2009 гг.). Симферополь: Доля, 2012. 100 с.
- Стоянова А.А. Плитовые могилы из некрополя Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. I / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: Доля, 2013. С. 77–92.
- Стоянова А.А. Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. II: 20 лет исследований могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 122–165.
- Труфанов А.А. Подбойные могилы III в. н.э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) // Сугдейский сборник / Ред. Н.М. Куковальская. Киев; Судак: Академперіодика, 2004. С. 495–521.
- Труфанов А.А. Зеркала-подвески первых веков н.э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 173–186.
- Труфанов А.А. Монеты из погребений варварского населения Крыма первых веков н.э. // Археологический альманах. № 22: Древняя и средневековая Таврика / Ред. А.В. Колесник. Донецк: Донбасс, 2010. С. 235–250.
- Труфанов А.А. Склеп IV в. н.э. из некрополя у с. Курское в Крыму // РА. 2012. № 2. С. 34–41.
- Труфанов А.А., Колтухов С.Г. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму // Stratum plus. 2001–2002. № 4. С. 278–295.
- Филиппенко А.А., Тюрин М.И., Ушаков С.В. О могильнике ВИР (Бельбек III) в Юго-Западном Крыму: новые данные // Stratum plus. 2016. № 4. С. 139–151.
- Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58–71.
- Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 169 с.
- Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 313 с.
- Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Симферополь; Керчь: Деметра, 2004 (Боспорские исследования; вып. VI). 240 с.
- Храпунов И.Н. Керамические сосуды в виде баранов из могильника Нейзац // РА. 2007. № 1. С. 167–175.
- Храпунов И.Н. Наконечники ремней из могильника Нейзац // МАИЭТ. Вып. XIV. Симферополь: Таврия, 2008. С. 61–79.
- Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011а. С. 13–113.
- Храпунов И.Н. Склеп с погребениями III–IV вв. н.э. из могильника Нейзац. Симферополь: Доля, 2011б. 72 с.
- Храпунов І.М. Підбійна могила з похованнями III–IV ст. з могильника Нейзац // Археологія. 2014. Вип. 2. С. 80–90.
- Храпунов И.Н. Погребения II в. н.э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. Вып. 1 (47). С. 216–240.
- Храпунов И.Н. Исследования могильника Нейзац в 2011–2015 гг. // Крым в сарматскую эпоху. II: 20 лет исследований могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016а. С. 11–36.
- Храпунов И.Н. Население горного Крыма в позднеримское время // Вестник древней истории. 2016б. Т. 76, № 1. С. 118–134.
- Храпунов И.Н., Мульд С.А. Склепы с погребениями III в. н.э. из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. VII / Ред. А.И. Айбабин. Симферополь; Керчь: Деметра, 2004. С. 299–326.
- Храпунов И.Н., Мульд С.А. Трупосожжение римского времени из могильника Опушки // Херсонесский сборник. Вып. XIV / Ред. С.Д. Крыжицкий. Севастополь: Максим, 2005. С. 341–345.
- Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Три подбойные могилы из некрополя Опушки в Крыму // Варварский мир Северопонтийских земель в сарматскую эпоху / Ред. Е.В. Смынгына. Киев: Видавель Олег Філюк, 2013. С. 184–207.
- Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Об имущественной и социальной дифференциации населения предгорного Крыма позднеримского времени // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 176–199.
- Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Могила № 9 (35) из Чернореченского могильника в Крыму // КСИА. 2016а. Вып. 244. С. 166–194.
- Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Ранние погребения в могильнике Нейзац // История и археология Крыма. Вып. III / Ред. В.В. Майко. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016б. С. 200–234.

- Храпунов Н.И. Монеты из могильника Нейзац (находки 1996–2008 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 3. С. 55–82.
- Храпунов Н.И. Находки монет в могильниках крымских варваров позднеримского времени: некоторые перспективы анализа и исторические интерпретации // Боспорские чтения. Вып. XIV / Ред. А.И. Айбабин. Керчь, 2013. С. 484–490.
- Шабанов С.Б. Стекланные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2011 гг.) // МАИЭТ. Вып. XVII. Симферополь: Таврия, 2011. С. 141–191.
- Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16–21.
- Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // Херсонесский сборник. Вып. XII / Ред. М.И. Золотарев. Севастополь, 2003. С. 199–225.
- Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма в 3–4 вв. н. э. // Древняя Таврика / Ред. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 359–382.
- Яценко С.А., Малашев В.Ю. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // Stratum plus. 2000. № 4. С. 226–250.
- Hays J.W. Late Roman Pottery. L.: British School at Rome, 1972. 477 p.
- Khrapunov I. Germanic Artefacts in the Cemetery of Neyzats // Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / Eds I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya Publishing House, 2013. P. 177–195.
- Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. Das Frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2016. 205 S.
- Masyakin V., Voloshinov A., Nenevolja I. Die Nekropole von Suvlu-Kaja // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Bonn, 2013. S. 372–379.

ARCHAEOLOGICAL CULTURE OF THE LATE ROMAN PERIOD IN THE PIEDMONT CRIMEA

Igor N. Khrapunov

Crimean Federal University, Simferopol, Russia

E-mail: igorkhrapunov@mail.ru

In Crimea, a group of sites representing necropolises has been discovered and partially explored. They are located in the piedmont areas of the peninsula, dating back to the 2nd – 4th centuries BC. The sites share certain similarity, while differing in the most significant characteristics from all other archaeological sites. The necropolises together form a single archaeological culture. It can be called the Neyzats archaeological culture after its most comprehensively studied site – the necropolis of Neyzats. This culture is eclectic in many respects, distinguished by signs of different origins. Handmade vessels provide a striking originality to it. Despite some borrowings, the handmade pottery complex is not reduced to any of the well-known pottery traditions, nor to the sum of any traditions. Another feature of the culture is the lack of settlements. None of the necropolises is associated with a dwelling structure. Most of the necropolises ceased to be used at the late 4th – early 5th century, at the time when, according to written sources, the Huns appeared in the Northern Black Sea region.

Keywords: Crimea, the Late Roman period, necropolises, archaeological culture, the Neyzats culture, Scythians, Sarmatians, Alans, Germans.

REFERENCES

- Ambroz A.K., 1966. Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR [Fibulae of the south of the USSR's European part]. Moscow: Nauka. 111 p. (SAI, D1-30).
- Antipenko A.V., 2015. Reconstruction of riding horse equipment of the 3rd century AD from the Neyzats necropolis. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2 (48), pp. 109–120. (In Russ.)
- Babenchikov V.P., 1963. Chernorechensky cemetery. *Arkheologichni pam'yatki URSS* [Archaeological sites of the Ukrainian SSR], XIII. Kiiv: Vid. AN URSS, pp. 94–141. (In Ukrainian.)

- Belyy O.B., Nenevolya I.I., 1994. Salvage works on the territory of Bakhchisarai district in 1993. *Problemy istorii i arkheologii Kryma* [Issues of the Crimean history and archaeology]. Yu.M. Mogarichev, ed. Simferopol': Tavriya, pp. 251–255. (In Russ.)
- Filippenko A.A., Tyurin M.I., Ushakov S.V., 2016. On the VIR necropolis (Belbek III) in the South-Western Crimea: new data. *Stratum plus*, 4, pp. 139–151. (In Russ.)
- Gushchina I.I., 1970. The Belbek III necropolis in the Crimea. *KSIA* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 124, pp. 39–47. (In Russ.)
- Gushchina I.I., 1974. Population of the Sarmatian time in the Belbek valley in the Crimea (based on the data from necropolises). *Arkheologicheskiye issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy* [Archaeological research in the south of Eastern Europe]. Moscow: GIM, pp. 33–64. (In Russ.)
- Hays J.W., 1972. Late Roman Pottery. London: British School at Rome. 477 p.
- Ivanova O.S., 2013. Late Roman amphorae from excavations of Mangup. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the Sarmatian period (the 2nd century BC – 4th century AD)], I. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol'; Bakhchisaray: Dolya, pp. 93–154. (In Russ.)
- Khazanov A.M., 1963. Genesis of Sarmatian bronze mirrors. *SA* [Sov. Archaeology], 4, pp. 58–71. (In Russ.)
- Khazanov A.M., 1971. Ocherki voyennogo dela sarmatov. Studies on the Sarmatian warfare. Moscow: Nauka. 169 p.
- Khrapunov I., 2013. Germanic Artefacts in the Cemetery of Neyzats. *Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*, I. Khrapunov, F.-A. Stylegar, eds. Kristiansand; Simferopol': Dolya Publ. House, pp. 177–195.
- Khrapunov I.N., 2002. Mogil'nik Druzhnoye (III–IV vv. nashey ery). [The Druzhnoye necropolis (the 3rd–4th centuries AD)] Lublin: Wydawnictwo Uniwersyteetu Marii Curie-Skłodowskiej. 313 p.
- Khrapunov I.N., 2004. Ethnic history of the Crimea in the early Iron Age. Simferopol'; Kerch': Demetra. 240 p. (Bosporskiye issledovaniya, VI).
- Khrapunov I.N., 2007. Ram-shaped ceramic vessels from the Neyzats necropolis. *RA* [Rus. Archaeology], 1, pp. 167–175. (In Russ.)
- Khrapunov I.N., 2008. Belt tips from the Neyzats necropolis. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Material in archeology, history and ethnography of Tavria], XIV. Simferopol': Tavriya, pp. 61–79. (In Russ.)
- Khrapunov I.N., 2011a. Some results of the research on the Neyzats necropolis. *Issledovaniya mogil'nika Neyzats* [Studies of the Neyzats necropolis]. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol': Dolya, pp. 13–113. (In Russ.)
- Khrapunov I.N., 2011b. Sklep s pogrebeniyami III–IV vv. n.e. iz mogil'nika Neyzats [Crypt with burials of the 3rd–4th centuries AD from the Neyzats necropolis]. Simferopol': Dolya. 72 p.
- Khrapunov I.N., 2015. Burials of the 2nd century AD from the Neyzats necropolis. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological, Cultural Studies], 1 (47), pp. 216–240. (In Russ.)
- Khrapunov I.N., 2016a. Studies of the Neyzats necropolis in 2011–2015. *Krym v sarmatskuyu epokhu* [The Crimea in the Sarmatian period]. II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats [20 years of studying the Neyzats necropolis]. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol': Naslediye tsysacheletiy, pp. 11–36. (In Russ.)
- Khrapunov I.N., 2016b. Population of the mountain Crimea in the late Roman period. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], vol. 76, no. 1, pp. 118–134. (In Russ.)
- Khrapunov I.N., Mul'd S.A., 2004. Crypts with burials of the 3rd c. AD from the Neyzats necropolis. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporan Studies], VII. A.I. Aybabin, ed. Simferopol'; Kerch': Demetra, pp. 299–326. (In Russ.)
- Khrapunov I.N., Mul'd S.A., 2005. Cremations of the late Roman period from the Opushki necropolis. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonese Collection], XIV. S.D. Kryzhitskiy, ed. Sevastopol': Maksim, pp. 341–345. (In Russ.)
- Khrapunov I.N., Stoyanova A.A., 2013. Three undercut graves from the Opushki necropolis in the Crimea. *Varvarskiy mir Severopontiyskikh zemel' v sarmatskuyu epokhu* [The barbaric world of the Northern Pontic lands in the Sarmatian period]. E.V. Smyntyna, ed. Kiyev: Vidavets' Oleg Filyuk, pp. 184–207. (In Russ.)
- Khrapunov I.N., Stoyanova A.A., 2014. On the property-based and social differentiation within the population in the piedmont zone of the Crimea of the Late Roman period. *KSIA* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 234, pp. 176–199. (In Russ.)
- Khrapunov I.N., Stoyanova A.A., 2016a. Grave 9 (35) from the Chernorechensky cemetery in the Crimea. *KSIA* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 244, pp. 166–194. (In Russ.)
- Khrapunov I.N., Stoyanova A.A., 2016b. Early burials in the Neyzats necropolis. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [The Crimean history and archaeology], III. V.V. Mayko, ed. Simferopol': Naslediye tsysacheletiy, pp. 200–234. (In Russ.)
- Khrapunov N.I., 2009. Coins from the Neyzats necropolis (finds of 1996–2008). *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological, Cultural Studies], 3, pp. 55–82. (In Russ.)

- Khrapunov N.I., 2013. Coin finds in the cemeteries of the Crimean barbarians of the Late Roman period: some perspectives of analysis and historical interpretations. *Bosporskiye chteniya* [Bosporan Readings], XIV. A.I. Aybabin, ed. Kerch', pp. 484–490. (In Russ.)
- Khrapunov I.M., 2014. Undercut grave with burials of the 3rd–4th centuries AD from the Neyzats necropolis. *Arkheologiya* [Archaeology], 2, pp. 80–90. (In Ukrainian.)
- Kontny B., Savelya D.Yu., 2006. Armaments from the cemetery in Kilen-Balka. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Material in archaeology, history and ethnography of Tavria], iss. XII, part 1. Simferopol': Tavriya, pp. 129–160. (In Russ.)
- Kropotov V.V., 2010. Fibuly sarmatskoy epokhi [Fibulae of the Sarmatian period]. Kiyev: ADEF-Ukraina. 384 p.
- Levada M.E., 2013. The influence of the Alan military traditions on the East Germanic peoples. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the Sarmatian period (the 2nd century BC – the 4th century AD)], I. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol'; Bakhchisaray: Dolya, pp. 171–187. (In Russ.)
- Loboda I.I., 1977. Excavations of the Ozeroye III cemetery in 1963–1965. *SA* [Sov. Archaeology], 4, pp. 236–252. (In Russ.)
- Loboda I.I., 2005. Excavations of the Krasny Mak necropolis in 1983–1984. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Material in archaeology, history and ethnography of Tavria], XI. Simferopol': Tavriya, pp. 192–251. (In Russ.)
- Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I., 2016. Das Frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 205 p.
- Malashev V.Yu., 2000. Periodization of belt sets of the Late Sarmatian period. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [Sarmatians and their neighbours on the Don]. Yu.K. Guguyev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232. (In Russ.)
- Masyakin V., Voloshinov A., Nenevolja I., 2013. Die Nekropole von Suvlu-Kaja. *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten*. Bonn, pp. 372–379.
- Masyakin V.V., 2010. A Late Roman crypt near Zarechnoye in the Central Crimea. *Arkheologicheskii al'manakh* [Archaeological Almanac], 22. *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika* [Ancient and Medieval Tauris]. A.V. Kolesnik, ed. Donetsk: Donbass, pp. 278–283. (In Russ.)
- Mul'd S.A., 2016. The funerary structures of the Neyzats necropolis. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [The Crimea in the Sarmatian period (the 2nd century BC – the 4th century AD)], II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats [20 years of research on the Neyzats necropolis]. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol': Naslediye tysyacheletiy, pp. 37–75. (In Russ.)
- Nenevolya I.I., Voloshinov A.A., 2001. Two complexes of the 4th c. AD on the Krasnozorye necropolis. *Pozdnie skify Kryma* [Late Scythians of the Crimea]. I.I. Gushchina, D.V. Zhuravlev, eds. Moscow: GIM, pp. 141–146. (Trudy GIM, 118). (In Russ.)
- Nessel' V.A., 2003. Red slip pottery from the Kilen-Balka necropolis. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonese Collection], XII. M.I. Zolotarev, ed. Sevastopol' Dizayn-studiya "Kalamo", pp. 107–123. (In Russ.)
- Puzdrovskiy A.E., 1994. Necropolis of the 3rd–4th centuries AD near Perevalnoye in the Crimea. *Vizantiya i narody Prichernomor'ya i Sredizemnomor'ya v ranneye srednevekov'ye (IV–IX vv.): tez. dokl.* [Byzantium and the peoples of the Black Sea and the Mediterranean in the early Middle Ages (the 4th–9th centuries): Abstracts]. Simferopol', pp. 55–56. (In Russ.)
- Puzdrovskiy A.E., Zaytsev Yu.P., Nenevolya I.I., 2001. New sites of the 3rd–4th centuries AD in the South-Western Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Material in archaeology, history and ethnography of Tavria], VIII. Simferopol': Tavriya, pp. 32–50. (In Russ.)
- Shabanov S.B., 2011. Glass vessels from the Neyzats necropolis (based on the materials from the excavations of 1996–2011). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Material in archaeology, history and ethnography of Tavria], XVII. Simferopol': Tavriya, pp. 141–191. (In Russ.)
- Shelov D.B., 1978. Narrow-necked light-clay amphorae of the first centuries AD. Classification and chronology. *KSIA* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 156, pp. 16–21. (In Russ.)
- Simonenko A.V., 2010. Sarmatskiye vsadniki Severnogo Prichernomor'ya [Sarmatian horsemen of the Northern Black Sea region]. St. Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU; Nestor-Istoriya. 328 p.
- Stoyanova A.A., 2004. Beads and pendants from the Neyzats necropolis (based on the excavations of 1996–2001). *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporan Studies], V. A.I. Aybabin, ed. Simferopol'; Kerch': Demetra, pp. 263–319. (In Russ.)
- Stoyanova A.A., 2010. Bead sets in costume of the piedmont Crimea inhabitants in the 2nd century BC – 4th century AD. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporan Studies], XXIV. A.I. Aybabin, ed. Simferopol'; Kerch': Demetra, pp. 401–410. (In Russ.)
- Stoyanova A.A., 2011a. Torques from the Crimean sites of the Sarmatian period. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Material in archaeology,

- history and ethnography of Tavria*], XVII. Simferopol': Tavriya, pp. 116–140. (In Russ.)
- Stoyanova A.A., 2011b. Accessories of female costume of the 2nd – the first half of the 3rd century AD from the Neyzats necropolis. *Issledovaniya mogil'nika Neyzats* [Studies of the Neyzats necropolis]. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol': Dolya, pp. 115–151. (In Russ.)
- Stoyanova A.A., 2012. Detskiye pogrebeniya iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003–2009 gg.) [Children burials from the Opushki necropolis (based on the results of excavations of 2003–2009)]. Simferopol': Dolya. 100 p.
- Stoyanova A.A., 2013. Slab graves from the Neyzats necropolis. *Krym v sarmatskuyu epokhu* [The Crimea in the Sarmatian period], I. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol'; Bakhchisaray: Dolya, pp. 77–92. (In Russ.)
- Stoyanova A.A., 2016. Pendants from the Neyzats necropolis. *Krym v sarmatskuyu epokhu* [The Crimea in the Sarmatian period], II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats. I.N. Khrapunov, ed. Simferopol': Naslediye tysyacheletiy, pp. 122–165. (In Russ.)
- Trufanov A.A., 2010. Coins from the burials of the Crimean barbarian population of the first centuries AD. *Arkheologicheskii al'manakh* [Archaeological Almanac], 22. *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika* [Ancient and Medieval Tauris]. A.V. Kolesnik, ed. Donetsk: Donbass, pp. 235–250. (In Russ.)
- Trufanov A.A., 2004. Undercut graves of the 3rd century AD necropolis near Kurskoye village (based on the materials of 2001 excavation). *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdaea collection]. N.M. Kukoval'skaya, ed. Kiev; Sudak: Akademperiodika, pp. 495–521. (In Russ.)
- Trufanov A.A., 2007. Mirrors pendants of the first centuries AD from the necropolises of the Crimean Scythia. *Drevnyaya Tavrika* [Ancient Tauris]. Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva, eds. Simferopol': Universum, pp. 173–186. (In Russ.)
- Trufanov A.A., 2012. A 4th century AD crypt from the necropolis near Kurskoye village in the Crimea. *RA* [Rus. Archaeology], 2, pp. 34–41. (In Russ.)
- Trufanov A.A., Koltukhov S.G., 2001–2002. A study of the late antique necropolis near Kurskoye village in the South-Eastern Crimea. *Stratum plus*, 4, pp. 278–295. (In Russ.)
- Veymarn E.V., 1963. Archaeological works in the Inkerman area. *Arkheologichni pam'yatki URSR* [Archaeological sites of the Ukrainian SSR]. T. XIII. Kiiv: Vid. AN URSR, pp. 15–42. (In Ukrainian.)
- Vlasov V.P., 1999. Handmade pottery from the Druzhnoye necropolis of the 3rd–4th centuries AD United in the Crimea. *Sto let chernyakhovskoy kul'ture* [A hundred years of the Chernyakhov culture]. M.I. Gladkikh, ed. Kiev: Vid. Tovaristva arkheol. ta antrop., pp. 322–371. (In Russ.)
- Vlasov V.P., 2003. North Caucasian parallels in the handmade pottery of the Roman and Early Medieval Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Material in archaeology, history and ethnography of Tavria], X. Simferopol': Tavriya, pp. 98–124. (In Russ.)
- Vnukov S.Yu., 2006. Prichernomorskiye amfory I v. do n. e. – II v. n.e. [Black Sea Amphorae of the 1st century BC – 2nd century AD], II. Petrografiya, khronologiya, problemy trgovli [Petrography, chronology, issues of trade]. St. Petersburg: Aleteyya. 320 p.
- Vnukov S.Yu., 2016. On the typology, evolution and chronology of light-clay (late Heracleian) narrow-necked amphorae. *RA* [Rus. Archaeology], 2, pp. 36–47. (In Russ.)
- Yatsenko S.A., Malashev V.Yu., 2000. On the polychrome style of the late Roman period on the territory of Sarmatia. *Stratum plus*, 4, pp. 226–250. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., Trufanov A.A., 2003. A late Antique burial complex in the lower reaches of the Kachi River. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonese Collection], XII. M.I. Zolotarev, ed. Sevastopol', pp. 199–225. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., Trufanov A.A., 2007. Chronology of the necropolises in the Central and South-Western Crimea of the 3rd – 4th centuries. *Drevnyaya Tavrika* [Ancient Tauris]. Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva, eds. Simferopol': Universum, pp. 359–382. (In Russ.)
- Zaytsev Yu.P., 1997. Salvage investigations in Simferopol, Belogorsk and Bakhchisarai districts. *Arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu* [Archaeological research in the Crimea]. 1994. V.A. Kuntaysov, ed. Simferopol': SONAT, pp. 102–116. (In Russ.)
- Zaytsev Yu.P., Mordvintseva V.I., 2003. Studies of the necropolis near Suvorovo village. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Material in archaeology, history and ethnography of Tavria], X. Simferopol': Tavriya, pp. 57–77. (In Russ.)
- Zhuravlev D.V., 2010. Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I–III vv. n.e. (Po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny) [Red slip pottery of the South-Western Crimea of the 1st–3rd centuries AD (based on the materials of the late Scythian necropolises of the Belbek valley)]. Simferopol': Krym. otd. Inst. vostokovedeniya im. A.E. Krymskogo NAN Ukrainy. 320 p.